

Айнур Сибгатуллин

СВРЕМЕННОСТИ
И КЛАССИКИ

Минареты любви

Современники и классики

Айнур Сибгатуллин

Минареты любви (сборник)

«ПЦ Александра Гриценко»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Сибгатуллин А. А.

Минареты любви (сборник) / А. А. Сибгатуллин — «ПЦ
Александра Гриценко», 2016 — (Современники и классики)

Шекспировские сюжеты на фоне волнений мигрантов в современной Европе. Сражения исламистов и джиннов в альтернативном Крыму. Священник, совершающий обряды всех мировых религий, борющийся против ювенальной юстиции будущего. Американский солдат в плену у моджахедов и русский сталкер в постапокалиптической Москве. Что объединяет все эти тексты в сборнике Айнура Сибгатуллина? Исламский контекст? Ориентализм? Принадлежность к жанру фантастики? Да, но главное это любовь как вечное и божественное начало всего.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

© Сибгатуллин А. А., 2016
© ПЦ Александра Гриценко, 2016

Содержание

Предисловие	7
С натуры	9
Я иду дорогой скорбной	14
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Айнур Сибгатуллин

Минареты любви

Сборник повестей и рассказов

Айнур Анверович Сибгатуллин

Юрист, публицист. Родился в Москве в 1971 г. Окончил Московскую государственную юридическую академию.

Публиковал статьи, стихи и прозу в федеральной и региональной прессе. Победитель VIII журналистского конкурса «Хрустальное перо» (2005 г.). Автор книг «Татарский Интернет» (2008, 2009 г.), «Исламский Интернет» (2010 г.), повестей «Отец Ибрагим» (Сборник «Дети холодного мира», Шико, 2014 г.), «Я иду дорогой скорбной» (Сборник «Мистикон», Шико, 2015 г.), а также ряда рассказов, опубликованных в сборниках по итогам литературных конкурсов.

В 2011 г. закончил литературные курсы романистов при Московском отделении Союза писателей.

Участник 1-го международного совещания молодых писателей в Переделкино (2011 г.). Победитель и призер литературных конкурсов (конвенты «Аю Даг» (2015 г.), «Басткон» (2014–2015 гг.) и «Роскон» (2016 г.).

Предисловие

С помощью этой книги читатель познакомится с очень интересным автором. Айнур Сибгатуллин к настоящему моменту написал не так уж много произведений, но все, что им написано, самобытно, ярко и весьма убедительно. Последняя характеристика – редкий комплимент для современного прозаика, а для автора, пишущего в жанре фантастики, и подавно. О какой убедительности можно вести речь, обсуждая выдуманные миры, надуманные сюжетные повороты, невыразительные характеры «сериальной», серийной прозы сегодняшнего дня? Сибгатуллин на общем фоне выделяется совершенно противоположными качествами. К сожалению, придуманное им будущее, очевидно, уже потихоньку наступает, к сожалению, потому что прогнозы автор делает совсем не радужные. Сюжетные перипетии легко себе представить и сегодня. Герои произведений – не кукольные, живые люди, страдающие, ошибающиеся, чувствующие.

Привлечет внимание читателя не только фантастика, поразительным образом схожая с нынешней реальностью, но и конфессиональные, если так можно выразиться, вопросы, поднимаемые в произведениях Сибгатуллина. Это взгляд на вещи, к которому мы не привыкли, взгляд с иной стороны, необычный, но подкупающий своей искренностью и глубоким пониманием проблемы. И чем мы друг от друга по сути отличаемся – мусульмане, православные, католики, иудеи? Приходят на ум классические произведения, в которых также объединялось, казалось бы, необъединимое. «Сказки тысячи и одной ночи», истории о Ходже Насреддине, философские японские притчи стали частью мировой культуры, переплелись в затейливой мозаике с русской и европейской литературной традицией. В данном поле нет места вражде и отторжению инакомыслия, потому что в искусстве не бывает иного мышления.

В повести «Я иду дорогой скорбной» автор показывает один из возможных сценариев развития событий в Крыму. Однако это не политический памфлет и уж тем более не выполнение политического заказа. Скорее, это – сказка, печальная, наполненная приключениями, в которой нашлось место даже джинам. В какой-то момент читатель полностью погружается в хитросплетения сюжета, и его несет мощным течением, будто, и правда, автору удалось выпустить джина из бутылки. Читатель видит, как может развиваться история, и ясно, что дело не в том, какой веры придут люди к власти, а каких моральных принципов это будут люди и какие цели будут преследовать.

Вторая повесть, «Отец Ибрагим», куда жестче, чем первая. Ее Айнур Сибгатуллин писал для литературного конкурса, посвященного проблемам ювенальной юстиции. Тема сама по себе задает тон повествованию. И практически все участники конкурса описывали весьма неприглядные последствия повсеместного внедрения законов «ювеналки» в жизнь. Оптимизма это явление не вызывало ни у кого. Сибгатуллин, юрист по образованию, как никто другой, с истинным профессионализмом погрузился в тему. Сюжет здесь закручен подобно пружине, на которую нажимает автор с такой силой, что в конце, когда пружина отпущена, читатель пребывает в молчаливом шоке. Он так погружен в мир будущего, скрупулезно обрисованный автором, что невольно хочет стряхнуть оцепенение и вернуться обратно в настоящее – как минимум, дабы убедиться в незыблемости нынешнего бытия, как максимум, дабы попытаться предотвратить негативные события, описанные в повести. Не слишком ли высокопарно звучит? Пожалуй, нет. Айнур Сибгатуллин далек от высокопарности. Его сила именно в приземленности, в полной аутентичности картин будущего. Сказке в этой повести не место. Хотя отчего же – автор и тут умудряется подняться над изменным и

подлым, грязным и жестоким. но не будем раскрывать карты – пусть читатель сам попробует повесть «на вкус».

Еще одно произведение в данном сборнике – повесть «Аттилио». В 2016 году исполняется 400 лет со дня смерти великого английского драматурга Уильяма Шекспира. Был ли он, не был, а его пьесы уже навсегда останутся жемчужинами театрального искусства. Рассказ Сибгатуллина написан «по мотивам» знаменитого «Отелло» – таково было условие конкурса, организаторы которого нагло потребовали от участников написать свое произведение по сюжету одной из пьес Шекспира. И опять автор показывает нам проблемы сегодняшнего дня, возведенные в квадрат. Эмигранты, Италия, любовь, грязная политика, судьба человека, пытающегося примирить враждующие стороны – и представьте, это еще не все, о чем написал Сибгатуллин в своей версии «Отелло».

Недавно Айнур Сибгатуллин сказал: «Я постоянно воспеваю любовь». Кому-то покажется это странным, но он прав. В каждом произведении автор заставляет героев преодолевать себя, совершать подвиги и сражаться во имя любви. К женщине, к детям, к ближайшему своему. И над жестоким миром будущего, до которого нам осталось сделать, как ни страшно, всего пару шагов, неожиданно загорается звезда надежды. не все потеряно пока, не все потеряно – надо лишь протянуть руку помощи тому, кому она требуется, даже ценою собственной жизни. но подобный нюанс с незапамятных времен никогда не смущал любящее сердце. И только в любви спасение – ведь именно она заставляет гореть звезду надежды ярче, освещая путь к истине...

Виктория Балашова

С натуры Рассказ

Антон не любил ходить проводником в каховский сектор. Начать с того, что клиенты гибли от мин и растяжек через раз. Едва только перейдя рыжеватые заросли колючей проволоки на границе. А если Антон все-таки умудрялся провести группу до пункта назначения, то часто оказывалось так, что их никто уже не ждал. Кроме разве что банды южан, отмечающих удачный штурм очередной многоэтажки, из окон которой горящими факелами вылетали последние жильцы.

И все же некоторые клиенты хотели проникнуть именно в каховский сектор. Туда, где неприметно кипела торговля наркотиками, оружием и детьми. Вот и сейчас Антон привел с собой группу торговцев, обвешанных клетчатými тюками и подсумками. Они всегда походили друг на друга – измученные испытые лица, хитрые азиатские глазки и густые бороды. Антон сначала не соглашался вести их, но ему предложили щедрую плату – три рожка патронов и четыре гранаты.

На этот раз все прошло удачно: Антон довел торгашей до убежища.

Было уже слишком темно для того, чтобы возвращаться обратно за кольцевой периметр, и Антон решил заночевать в одной из ближайших многоэтажек. Взяв автомат наизготовку, Антон осторожно вошел в подъезд, почерневший от копоти.

В загаженных и выжженных квартирах уже почти ничего не напоминало о прежней жизни до катастрофы. Антон переступал через давно истлевшие останки жильцов, стараясь не думать о том, какую мучительную смерть они приняли.

Поднявшись на третий этаж, он увидел в глубине одной из квартир еле уловимый отблеск света. Антон остановился и тихо снял автомат с предохранителя. Затем подкравшись поближе и досчитав про себя до трех, он перекатился по полу и вскинул автомат в сторону угла, откуда шел свет. Он увидел темноволосую девушку, сидящую у маленького костерка и отчаянно выставившую перед собой кухонный нож. Антон поставил автомат на предохранитель и закинул его за плечо.

Незнакомка дрожащими руками продолжала сжимать нож и, не отрывая глаз, смотрела на Антона.

– Да уберите же нож. Не трону я вас.

Антон прошел вглубь комнаты, сел на корточки у противоположной от девушки стены и закурил.

– Меня Антон зовут.

Девушка медленно опустила нож. Потом заговорила.

– А я Таня. Вы из коломенского батальона? У вас их нашивки...

Антон хмыкнул.

– Нет, я сам по себе. Тот батальон погиб в туннелях станции отбиваясь от... Никто так и не знает от чего или кого. Два года как. А форму мне дали за то, что провел одного человека в ваш сектор.

Девушка поправила рукой волосы и отложила нож в сторону.

– Так вы проводник? Про вас столько... разного рассказывают. А раньше кем были? Я вот работала воспитателем в садике, недалеко от Арбата. Бывали, наверное, там?

Он быстро кивнул.

– Было дело. А мы в некотором роде коллеги – я ведь учителем рисования работал в школе. А так до этого на вольных хлебах художником. Иногда на Арбате кантовался.

Таня всплеснула руками:

– Надо же, а я ведь часто любила гулять там после работы. Хотите чаю? У меня есть пара пакетиков, как специально для такого случая. Садитесь, я мигом.

Таня развела костер из кусков паркета под куском арматуры, торчащей из стены, на которую она повесила чайник.

Антон прислонил автомат к стене и спросил:

– Ну, и давно вы здесь прячетесь?

Девушка вздохнула:

– Давно...

Они оба замолчали. Наконец, чайник вскипел, и Таня разлила пахучий зеленый чай по консервным банкам.

– Ну, за встречу, Антон!

– За встречу, Таня!

Они чокнулись банками.

Антон огляделся по сторонам. В комнате не было ничего ценного, только кучи мусора и обгоревшие стены. Да на стене висел старый календарь с рекламой женских духов. Таня перехватила его взгляд и пояснила:

– У нас здесь была большая библиотека, папина. Мы с мамой еще в первую зиму ее сожгли, вместе со всей мебелью, чтобы согреться. Книги так быстро сгорают, их лишь на растопку пускать. Паркет гораздо дольше горит. Хотя у соседей в квартире от ламината такой дым шел вонючий, ужас!

Девушка внимательно посмотрела на него.

– Вы, наверное, голодный? А у меня есть чуть-чуть голубинового мяса! Будете?

Антон покачал головой:

– Я пойду, пройдуся что ли. Может, найду, что на ужин. Я скоро.

Спустившись на улицу и нацепив очки ночного видения, он пошел в сторону разбитой котельной, где маячило несколько собак. Подойдя поближе и выбрав из них наиболее здоровую на вид, Антон выстрелил ей в голову из пистолета. Стая кинулась было рвать на куски тело агонизирующей псины, но, услышав звук передергиваемого затвора, отбежала недовольно поодаль. Взвалив на шею тушку, Антон двинулся обратно в сторону дома, чувствуя затылком, как за ним крадутся, злобно урча, бродячие псы.

Возле входа в подъезд Антон развернулся и выстрелил в одну из собак. Собака жалобно завывала и быстро замолкла, разрываемая на части стаей. Антон воспользовался этим и скрылся в доме.

Войдя в квартиру, он заметил, как девушка сглотнула слюну, увидев убитую собаку.

– Ой, как здорово! Сейчас будет ужин! Вы знаете, как я умею готовить шикарное жаркое? Пальчики оближите!

Антон бросил собаку на пол, и девушка стала быстро разделять тушку, продолжая весело болтать.

– Антон, а вы за границей бывали? Я только в Турцию пару раз съездить успела. Там такое море классное...

Антон достал сигарету, помял ее в руках и задумался. Он никогда не был в Турции. Оказавшись первый раз за границей в Италии, он с тех пор ей никогда не изменял. Рим, Флоренция, Неаполь, Венеция. Он рисовал их узкие кривые улочки, старинные башни, фонтаны и каналы бесчисленное количество раз. И, конечно же, Сиена: башни собора и городская площадь. А еще Пиза. На туристических картинках обычно показывают одну падающую башню, но Антон знал, что самое красивое вовсе не башня и даже не соседний собор, нет. Он приезжал туда, чтобы часами переносить на холст величественное сочетание зеленого травяного ковра и белого мрамора.

Таня бросила собачье мясо в слегка проржавевшее ведро с водой и развела огонь на полу.

– А что вы рисовали, Антон? Натюрморты? Пейзажи там всякие, я не знаю, или портреты?

– И пейзажи, и портреты. Пару выставок даже провел в Манеже.

– Ух, ты. Я тоже раньше на выставки ходила. Но в кино, конечно, чаще бегала. Обожаю «Унесенные ветром», их иногда в «Иллюзионе» крутили. А еще «Красотку». Вы, наверное, не рисуете сейчас?

Антон горько усмехнулся и посмотрел на свои огрубевшие пальцы. Он вспомнил, как писал в Римини морской пейзаж. Антон стоял босиком на песке, зажав зубами кисть, быстро набрасывая на мольберте лазоревой краской крадущиеся к берегу гребни волн. Солнце начало садиться, вокруг бегали загорелые дети, а вдалеке на горизонте медленно проплывал огромный океанский лайнер. На пляже еще было полно людей, лениво подставлявших свои тела лучам заходящего светила. Рядом с ним стоял мальчик, с интересом следящий за его работой. Антон потрепал мальчика по голове и улыбнулся его маме, итальянке в серебряном парео...

– Ой, а я не спросила, может, вы сырое мясо больше любите?

– Мне без разницы, Таня. Но раз уже огонь есть, давайте прожарим.

Наконец Таня закончила готовку, и они с Антоном сели ужинать. За окном издали раздавались одиночные выстрелы.

Антон сосредоточенно пережевывал мясо и изредка поглядывал на робко жующую Таню. Девушка напомнила ему «Даму с горностаем» Леонардо. Такие же тонкие руки. Или нет, скорее, Жиневру ди Бенчи.

Закончив есть, Антон взял девушку за руку и потянул к себе. Таня, опустив глаза, обвила руками его шею. Потом расстегнула на нем куртку и стала покрывать поцелуями грудь...

Когда они остановились и, шумно дыша, лежали, обняв друг друга, Таня спросила:

– У тебя есть кто-нибудь?

Антон усмехнулся.

– Никого.

Девушка опустила глаза и тихо ответила:

– А у меня есть один... он приходит раз в неделю и... когда закончит, дает мне мясо. Если бы не он, я бы давно умерла. Как и все. Он вообще-то добрый, хоть и по-русски почти не понимает. Саидом его звать, завтра прийти должен...

Таня накинула куртку Антона и бесшумно выскользнула из комнаты. Антон закурил и задумчиво пускал кольца табачного дыма в потолок. Разговор с девушкой напомнил ему о прошлом. Его картины: пейзажи, натюрморты, портреты – все они, скорее всего, давно истлели, сгнили или сторели в огне войны. Ему казалось, что он напрочь забыл обо всем этом, но разговор с девушкой пробудил в нем воспоминания и, закрывая глаза, он снова и снова видел холсты, краски и кисти.

Войдя, Таня легла рядом и положила ему голову на грудь. Потом, помолчав немного, сказала:

– Я хочу уйти отсюда, слышишь?

Антон приподнялся на локте и посмотрел на девушку сверху вниз.

– Через час я выхожу из сектора. Я могу взять тебя с собой, но это опасно.

В глазах у Тани блеснули слезы.

– Мне все равно.

Таня тихо всхлипнула. Антон слегка приобнял ее.

– Хорошо, мы уйдем вместе. Давай собирайся.

Девушка стремглав натянула одежду, побросала в мешок несколько тряпок и через десять минут стояла у порога, ожидающе глядя на Антона.

На улице уже начинало светать, и Антон с девушкой быстрым шагом пошли в сторону ясеневского сектора.

До границы оставалось всего лишь несколько сотен метров, когда Антон увидел, как навстречу им идет торговец, катящий громыхающую тележку. Увидев Антона с Таней, торговец закричал:

– Товары для дома и семьи, недорого, не проходите мимо! Все, что угодно, и за любые деньги! Пожизненная гарантия!

Антон тихо спросил Таню, снимая с плеча автомат:

– Может, тебе нужно что-то купить? На дорогу, там, или вообще... А у этого, судя по всему, много всякого барахла.

Таня неопределенно пожала плечами.

Антон взял наизготовку автомат и подошел к торговцу.

– Чем торгуешь?

Торговец поставил тележку и нагло вато поглядел на них.

– А что, есть на что покупать, боец?

Антон нахмурился.

– Есть патроны, разрывные и обыкновенные. Гранаты. Пойдет?

Торговец хмыкнул:

– На что мне твои патроны, я тебе их сам продам пару тонн.

Антон буркнул:

– Ладно, хорош болтать, показывай товар.

Торговец шустро вывалил содержимое тележки на землю и свистнул куда-то в сторону. Антон оглянулся – в окнах соседнего подъезда он увидел двоих вооруженных южан, радостно оскалившихся, когда он встретился с ними глазами.

– А это мои добрые южные друзья, которые иногда помогают мне перейти через дорогу... Но у меня все по-честному, без обмана. В этом секторе меня каждый знает, я давно здесь торгую.

Антон снова повернулся к рассыпанной куче хлама и стал ворошить ее стволом автомата. Таня спряталась за его спину и старалась не смотреть в сторону продавца.

Вдруг посреди кучи Антон увидел новенький деревянный складной этюдник с набором кистей и множеством блестящих тюбиков масляных красок.

Антон нагнулся и взял коробку в руки. Открыв изящную крышку из бука, он увидел на внутренней стороне крышки надпись на итальянском – *Colori per artisti*. Поднеся этюдник к лицу, Антон вдохнул запах и слегка закрыл глаза. Да, это было именно то, что надо, – палитра, кисти, рисовальный уголь, мастихин, масленка, флаконы с эссенцией терпентина и льняного масла и, самое главное, пятнадцать пахнущих тюбиков масляной краски. Земля бурая Флоренции, земля желтая Веронская, земля Сиенны жженая – переводил он про себя с итальянского надписи на тубах.

– Сколько? – как можно безразличнее постарался спросить Антон.

Торговец хитро прищурился.

– Гмм... да такая вещь сейчас, наверное, одна на всю Москву есть. Что только за нее не предлагали. Рисуй не хочу, хоть натюрморт, хоть лесные дали, хоть бабу голую.

– Слышь, мужик, давай конкретнее, называй цену, а там посмотрим.

Торговец зло сплюнул и усмехнулся.

– Цена говоришь? Цена есть. Очень конкретная цена. Доступная цена для рядового покупателя. Все это будет твое, если ты отдашь мне ее.

И он ткнул грязным забинтованным пальцем в грудь Тани.

Таня отшатнулась и прижалась к Антону.

Антон ничего не отвечал, нервно двигая желваками. Он достал из коробки ретушную кисть и провел по ее пушистому кончику большим пальцем. Барсучий волос, отметил про себя Антон. Он посмотрел в широко раскрытые глаза Тани, затем мягко отлепил ее от себя и слегка подтолкнул в сторону торговца.

– Я согласен.

Торговец тут же свистнул и к нему подбежали двое южан. Таня, потрясенная, смотрела на Антона, но тот уже аккуратно складывал этюдник с красками и кистями.

Торговец ехидно наблюдал за ним.

– Антон, нет... пожалуйста, не надо, – одним губами шептала девушка, с которой начали срывать одежду южане, довольно похлопывая ее по телу.

Антон ничего не отвечал и открывал металлические тюбики, проверяя краски. Он как будто не обращал внимания на радостные вопли южан, волокущих по земле девушку за волосы.

Антону было не до нее. Он держал в руках открытый тюбик краски и кисть. А в вещмешке у него лежало несколько чистых холстов, которые он уже хотел истратить на перевязочный материал.

Наконец Антон оглянулся по сторонам. Вокруг были одни развалины, но по дороге в сумерках он успел заметить остатки леса, где можно было рисовать великолепный пейзаж с соснами.

Торговец все еще не ушел и продолжал собирать рассыпанный товар. Антон поправил автомат и бросил небрежно:

– Послушай, а у тебя нет карандашей и бумаги?

Торговец выпрямился и задумался.

– Могу посмотреть на складе. Но это будет дорого стоить, солдат.

Антон посмотрел ему прямо в глаза.

– Это не важно. Не уходи далеко.

Я иду дорогой скорбной

Ялтинские минареты видны издалека. Что с моря, что со стороны гор – куда ни ткнишь – всюду белеют десятки башен-ракет. Многие считают их символом города, а по мне они просто копируют турецкие. Безликие новоделы на строительстве которых кое-кто здорово нажился. Только не говорите мне, что я завидую. Просто я точно знаю, как можно украсить Ялту. И если б я был городским архитектором, то построил бы лишь одну мечеть. Восемь куполов цвета небесной лазури. Журчащие фонтаны у входа и прохладные мраморные полы с тончайшими орнаментами. Своды колонн, испещренных изящной вязью. И лучи света, проникающие сквозь витражи на молельные коврики.

Звонок мобильного телефона прервал мои мечты. Незнакомый номер.

– Камиля позови, – буркнул мужской голос в трубке.

– Это я. Чем могу служить?

– Слушай сюда. Я ищу архитектора. Тебя хвалили уважаемые люди. Хочу, чтоб мой новый дом был не хуже чем у Мустафы-бея.

– Простите, а с кем я разговариваю?

– Э, ты что, не узнал меня по голосу? – в трубке раздалось цоканье, – я Фархад Ширинский.

Я привстал. Фархад. По слухам его банда контролировала добрую половину городских рынков и подпольных кабаков.

– Слушай сюда. Сейчас к тебе приедут мои ребята. Бери, что там тебе нужно, и пулей ко мне. Я свой дом показывать буду. Скажу, что надо сделать. Ты все понял?

– Да, Фархад-эфенди. Я...

В трубке раздалась гудки. Вытираю рукой лоб. О, Аллах, сам Фархад хочет сделать у меня заказ. Последние месяцы дела мои шли неважно. Те, кому нужны были услуги архитектора, предпочитали экономить. Им проще скачать эскизы и дать турецким гастерам в работу. А я не шел на уступки – не люблю торговаться. И цены у меня недешевые. А тут такой клиент, да еще сам на меня вышел.

Я видел дом Мустафы-бея. Чумовая пародия на Тадж-Махал, дворец в Алушке и Кастель Сант-Анджело. Как мой бывший однокурсник Арслан мог согласиться на такую чудовищную халтуру – один Аллах знает. Причем этот кошмар теперь выдают туристам за последнее веяние исламского зодчества.

Едва я успел собраться, как в дверь мастерской громко постучали. Я открыл дверь и увидел прямо перед собой двух бугаев в кожаных тубетейках.

– Ты что ли, архитектор?

– Да, я...

– Поехали, давай. Хозяин ждет.

Меня подхватили под руки и потащили к машине.

– Эй, а нельзя ли полегче? – попробовал было возмутиться я и тут же получил удар по ребрам. Меня втолкнули в микроавтобус, и я растянулся на полу.

– Тебе ж сказали, хозяин ждет, – прошипел один из бугаев и кинул мне мешок, – надень на голову. Мобильник где? Давай сюда.

Морщась от боли, протягиваю телефон.

Бугай довольно хмыкнул.

– Молодец, быстро врубаешься. Не то, что твой предшественник.

– Вы о ком? Какой предшественник?

– Такой. Скоро узнаешь, – бугай ухмыльнулся и кивнул водителю, – поехали, аркадаш.

* * *

Ехать пришлось долго. Или, может, мне так казалось из-за мешка на голове? Машину сильно трясло всю дорогу. Из обрывков разговоров я понял, что мы едем в сторону Кафы по разбитому горному серпантину.

Наконец автомобиль остановился. Меня подхватили под руки и потащили куда-то вверх по лестнице.

Яркий свет стробоскопов больно резанул по глазам, когда мешок сдернули с головы. Проморгавшись, я увидел перед собой восседающего на тюфяках лысоватого толстяка. Он не обратил на меня никакого внимания, лениво смотря, как перед ним танцует несколько девушек. Фархад-бей покачивал головой и прищелкивал пальцами в такт музыке.

Девушки исполняли танец живота. У каждой в руках кривая сабля. Из одежды – полупрозрачные куски ткани, расшитые золотыми монетами, едва прикрывавшие их соблазнительные округлости.

Мы стояли на уличной террасе, откуда открывался вид на ночное море.

Одна из танцовщиц привлекла мое внимание. Она плавно кружилась в танце, положив саблю на грудь.

Остановившись, девушка взяла клинок в руки и подбежала к Фархаду. Окружавшие хозяина дома бандиты выхватили пистолеты, но Фархад знаком остановил их. Танцовщица поставила свою ногу на его лоснящийся голый живот и поднесла саблю к горлу Фархада. Затем подбросила ее в воздух, схватила за кончик и метнула в пальму, стоящую в кадке у стены. Сабля вонзилась в ствол, а девушка растянулась у ног хозяина, склонив голову.

Фархад радостно хрюкнул и взял девушку за подбородок.

– Эй, Зульфия, ты так больше не шути, да? А то мои аскеры тебе чик-чик сделают.

Фархад оттолкнул ногой девушку и захохотал. Танцовщица поднялась с пола. Перед тем как уйти, она бросила дерзкий взгляд на меня.

К уху Фархада наклонился один из бугаев. Фархад повернулся ко мне и приглашающе кивнул. Охранник слегка подтолкнул меня, и я подошел поближе к хозяину.

– Сюда садись. Ешь, пей, – Фархад махнул рукой, и передо мной тут же поставили тарелку с пловом и бокал вина.

Я изрядно проголодался в пути. Плов таял во рту, а вино сразу разлилось по телу жгучим теплом.

– В общем, короче. Ко мне через месяц приедут уважаемые люди из Туркестана. И мне надо чтоб к их приезду мой дом стал похож на дворец Топкапы в Стамбуле.

Я поперхнулся пловом и закашлялся. Топкапы за месяц? Да он что, сумасшедший совсем.

– Простите, Фархад-бей, но...

– Слушай сюда. Твой предшественник работал здесь полгода и почти закончил. Тебе осталось завершить начатое. За деньгами дело не станет. Все чертежи и эскизы тебе покажет мой помощник Селим. Что будет нужно купить – скажешь ему. Все понял?

– Да, только я хотел узнать, а кто делал работу до меня и...

– Селим, проводи гостя в его комнату. Утром позови Зульфию – она все объяснит ему.

* * *

Поместье Фархада располагалось над высоким обрывом у моря. Я стоял у самого края пропасти и смотрел, как волны внизу налетают на камни, разлетаясь на мириады сверкающих капель. Знакомое место. Мыс бен Ладена. Он же мыс Ильи, где когда-то стоял маяк, раз-

валины которого торчали из-под строительного мусора. Вдалеке виднелись минареты Кафы, такие же безликие, как ялтинские.

Мы приезжали сюда в детстве с мамой, и она рассказывала мне историю о том, как часто корабли разбивались о скалы в этих водах. И одна женщина на свои деньги построила маяк, в честь избавления своего сына от недуга.

Солнце уже встало и потихоньку начинало выглядывать сквозь облака. Слышу шум приближающихся сзади шагов и оборачиваюсь. Ко мне подошли Селим и вчерашняя танцовщица.

Селим всучил мне в руки портфель.

– Держи, ар-хи-тек-тор, – Селим кивнул в сторону девушки, – вопросы ей задашь, если что не понял, да?

Я посмотрел на портфель, и мне показалось, что я где-то его видел, и не один раз. Правда, тогда он был гораздо чище, без этих коричневатых подтеков.

В кармане у Селима запищала рация. Он быстро отошел в сторону, прикрыв рот рукой.

Открыв портфель, я увидел эскизы поместья с заметками на полях и сразу узнал почерк. Ну, конечно, это был Арслан Семецкий, кто бы сомневался. Только куда он делся?

– Меня зовут Зульфия, – услышал я низкий грудной голос и поднял взгляд. Девушка взяла из моих рук один из чертежей и стала внимательно изучать его.

– Да, я в курсе. А вы что разбираетесь в архитектуре? Или все-таки больше в танцах? – решил почему-то связать я.

Девушка усмехнулась и оглянулась на Селима, стоявшего чуть поодаль.

– Я училась в строительном колледже в Симф... то есть в Акъмесджите. Увлекалась восточными танцами. В студию ходила, в конкурсах участвовала. Даже побеждала пару раз. Вот там меня и приметили. Предложили танцевать в стриптиз-клубах. Ну, а деньги были очень нужны, чтобы дальше в институт поступать.

– А как вы... как ты оказалась у Фархада в гареме?

– Как обычно оказываются. Хозяин ночного клуба, где я танцевала, проиграл меня Фархаду в нарды.

– Ну, и как тебе тут?

– Нормально. Днем отсыпаюсь, вечером танцую, а ночью...

Я отвернулся и стал внимательно листать чертежи.

– Ночью я тоже сплю. Фархад уже слишком стар, чтобы что-то смочь. Да и вообще его женщины особо не интересуют. Ну, если только очередную партию аульных дурочек заслат в секс-джихад в Сирию. Зато его очень интересует строительство дворца. А когда я подсказала пару идей по дизайну, то Фархад приказал, чтобы я докладывала ему о ходе стройки.

Зульфия вернула чертеж и ненароком коснулась меня бедром. Складываю бумаги в портфель. Селим закончил говорить по рации и подошел к нам.

– Хозяин звонил. Велел, чтоб сегодня уже начали, – Селим пристально посмотрел на Зульфью, но ничего не сказал.

Мы быстрым шагом вернулись в поместье. По дороге тихо спрашиваю у девушки:

– А где Арслан? Выгнали что ли?

– Убили его.

Я уронил портфель из рук. Из него посыпались бумаги и мы оба стали их собирать.

– За что? – только и смог спросить я.

– Деньги стал красть. Попался на ерунде. Притащил кучу старого хлама и решил выдать его за антиквариат. Ну, а у Фархада ведь есть свои спецы-антиквары. Арслан быстро раскололся.

– Что вы там шепчетесь, а? – Селим ударил меня носком ботинка по щиколотке. Я упал, скривившись от боли. Зульфия поднялась и топнула ногой.

– Ты что совсем сдурел? Я ему про Арслана рассказала, чтобы быстрее работал, а ты его хочешь инвалидом сделать? Знаешь, сколько пальцев на обеих руках Фархад-бей тебе за такие дела отрежет?

Селим побледнел.

– Брат, прости, да? – он протянул мне руку и помог подняться, – только хозяину не говори, да?

Я только мотнул головой и продолжил путь. Зульфия шла рядом.

– Тебе главное успеть все быстро доделать, что Арслан начал. Осталось то всего ничего. Менять ничего в эскизах не надо, а то не успеешь и тебя...

– Хорошо, я постараюсь. Только мне надо осмотреть объект.

* * *

На мысе, где когда-то стоял знаменитый маяк, мой предшественник решил построить угловатую башенку наподобие Ласточкиного гнезда. Я стоял у ее подножия и наблюдал за работой каменщиков. Строители клали кирпич под присмотром бандитов Фархада, щедро лупцующих нагайками по спинам людей. Вряд ли это были турецкие гастарбайтеры.

– Эх, архитектор, не хочешь курнуть, а? – Селим протянул мне сигаретку с гашишем, – тебе не помешает расслабиться, брат.

Я чертыхнулся про себя и углубился в чертежи. Семецкий был, конечно, тот еще раздолбай, но иногда его озаряли неплохие идеи. Мне понравился проект, и я решил ничего не менять с внешней стороны. А вот внутри башенки стоит кое-что поправить.

– Мне нужен мощный компьютер с программой для отрисовки проектов. Чертежная доска. Много листов бумаги, – я посмотрел на Селима и добавил, – и вели охране, чтобы перестали бить рабочих. Иначе я скажу хозяину, что в срок не успеем.

– Все сделаем, брат. А вот насчет рабочих – это ты сам с хозяином говори.

– Хорошо, поговорю. Откуда они?

Селим пожал плечами и хотел что-то ответить, но тут у него снова запищала рация. Присев на корточки, Селим, отчаянно жестикулируя, стал что-то объяснять.

Я подошел к строителям и спросил, кто у них за старшего.

– А вон там, видишь, седой такой замеряет, – махнул рукой в сторону пристройки молодой парень в тельняшке, – мы его Дедом кличем.

– А имя-то у него все-таки какое?

Парень распрямил спину и зло посмотрел на меня.

– Имена это у вас, эфенди, а у нас только клички, как и положено животным, – он воткнул лопату в землю, – еще есть вопросы?

Я что-то невнятно пробормотал и зашагал в сторону «деда», который оказался высоким стариком лет под шестьдесят с длинной седой косичкой. Он старательно вымерял стены отвесом. Негромко кашлянув, я спросил:

– Простите, мне сказали, что вы здесь старший.

Старик повернулся ко мне. Его холодные синие глаза впелись в мое лицо.

– Ну, допустим, что и так, молодой человек. Чем обязан?

– Меня нанял Фархад-бей. Я новый архитектор. Простите, как ваше имя?

– Дед мое имя. Этого будет вполне достаточно. Так чем я обязан?

– Я хотел сказать, что договорюсь с Фархад-беем, чтобы ваших строителей перестали избивать.

– Вот как? – старик прислонил отвес к стене, – чем же мы заслужили эту милость, господин? Неужели нас решили поощрить? Или, может, сюда мчатся на белых верблюдах наблюдатели из Совета Европы по защите прав сексуальных меньшинств? Хотя это вряд ли – педерастия среди наших, как вы изволили благородно выразиться, строителей не практикуется.

– Послушайте, – я уже начал жалеть, что затеял разговор, – я вас сюда не отправлял. Меня только наняли в качестве архитектора.

– Откуда вы, молодой человек?

– Я местный. С Ялты.

– Местный, – усмехнулся старик, – где же все вы были, господа местные, когда нам сюда путевку выписали?

Я опустил взгляд вниз. Когда исламисты пришли к власти и перекрыли границы, то тысячи людей, – и славян, и татар, – согнали в лагерь в засушливых крымских степях. Как и многие другие, я старательно делал вид, что не замечаю исчезновения соседей и знакомых. Иногда мне казалось, что они просто уехали куда-то отдыхать и осенью обязательно вернуться.

– Никто не знал тогда, что так все выйдет. Сами помните, что только после того как шариатские гвардейцы смогли отбить вторжение свидомых, на полуострове стало более-менее спокойно. Мы ведь все вместе радовались, когда ворами-чинушам отрубали руки на площадях.

– Руки, значит, говорите. Я родился в Коктебеле. Там жил поэт...

– Я знаю, о ком вы, – торопливо начал я, – и мне очень нравились его стихи:

... Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...

По нагорьям терн узорный и кустарники в серебре...

Старик наморщил лоб и, закрыв глаза, произнес.

...И не смолкает грохот битв
По всем просторам южной степи
Средь золотых великолепий
Конями вытоптаных жнитв...

Старик взял в руки отвес и долго смотрел на него.

– Воронцов Арсений Павлович. Это мое имя. Благодарю, что хлопчете за нас, но, право, не стоит. Зульфие поклон от нас за еду, что вчера передала. Я ведь с ее матерью... – старик замолчал, – впрочем, неважно. А теперь идите. И да хранит вас Господь.

* * *

Зульфия стояла у развалин маяка и смотрела на море, прикрыв ладонью глаза от солнца. Я встал рядом с ней.

– Меня кстати, Камиль зовут.

Девушка обернулась ко мне и улыбнулась. Я продолжил.

– Тебе поклон просили передать. Ну, ты знаешь за что.

– Дядя Арсений?

– Он самый. Ты его откуда знаешь?

– Мы с ним оба родом с одного поселка. Он часто к сестре своей больной приезжал. И с матерью моей знаком с детства. И я у него на коленях часто сидела, когда совсем малой была, – Зульфия вздохнула.

– Поможешь мне отрисовать интерьеры внутри?

– Ну, я постараюсь, – Зульфия поправила волосы, – правда я не особо шарю в этих новых программах.

– Да это легко. Главное, чтобы ты смогла выдержать единый стиль.

К нам подбежал запыхавшийся Селим.

– Эй, архитектор, айда в дом, хозяин обедать зовет. Гость к нему приехал важный. Хочет, чтоб ты компанию составил – Селим недобро посмотрел на Зульфию, – а ты иди на женскую половину, нечего тебе тут шастать.

* * *

– А, проходи, садись, дорогой, – Фархад решил изобразить сегодня гостеприимного хозяина. Кроме него, за столом сидел полноватый офицер в натовской форме.

– Полковник Уандералес, – представился он и широко улыбнулся, – я приехать в гости к Фархад-бей и узнать, что ты есть новый архитектор. Как тебя зовут?

– Камиль, – я присел за стол и знаком указал слуге налить бокал вина. Если уж участвовать в этом спектакле, что ж, я сыграю свою роль подобающим образом, – вы хорошо говорите на крымско-татарском.

– О, – гость довольно заулыбался еще шире, – я изучал ваш язык в Каламбия юниверсити. Точно говоря, я знаю по чуть-чуть все тюркские языки. Мой образование политология.

– А как же вы стали военным?

– О, если короче сказать, то когда ваш рипаблик просить поддержку у западный мир фо борьба против... эээ... киевский и московский хунта, то мы прийти на помощь. И я переводил при подписании акта о независимости речь ваш лидер в этом, эээ... не, не Севастополь, а эээ...

– Ахтияр, – услужливо подсказал Фархад.

– О, да. Иес, Ахтияр. Прекрасный город, наши моряки очень довольны. Столько красивый юнош энд чилдрен. И так, эээ...

– Давайте выпьем за Крым! – подымаю бокал и, не дожидаясь других, выпиваю до дна.

– О, йес, за Крым! – полковник чокнулся с Фархадом, – великий страна! Великая история!

– История как история. Войны, набеги, восстания. Все как у людей, – меня почему-то стал раздражать этот не перестающий лыбиться американец.

Уандералес покачал головой.

– Вы сумеет заставить дрожать от страха русский. Ваши ханы брать Москву много раз в плен. Даже Гитлер не смочь взять Москву!

– Я не историк, мистер Уандералес, – я усмехнулся, – но, по-моему, крымские татары ни разу не смогли взять Москву, а только сжигали ее пригороды.

– Эй, архитектор, ты давай там, не особо, – Фархад нахмурил брови, – я сам много раз слышал, как по телевизору об этом говорили. А там врать не дадут. Сам знаешь, что ждет этих. Ну, которые агенты проплаченные.

Я попросил слугу налить еще вина. Полковник широко улыбнулся и спросил.

– А ваши предок был депортирован в Туркестан или быть здесь?

– Мои предки не были депортированы. Их проверили и оставили жить здесь, как и почти всех крымских татар. Но вы ведь об этом прекрасно знаете, полковник?

– О, да, мистер Камил. Станный сталинский операций: почему-то депортировали чуть-чуть.

– У моего деда двоюродного брата выслали, – Фархад грыз баранью кость, – у немцев в легионерах служил. Как вернулся, все на парады ветеранов ходил со своими. Там и прихватило сердце.

– Мистер Фархад, ваш героически предок служить на благо ваш рипаблик Крым! Без него вы так и быть колония Москва или Киев. Вы согласен, мистер Камил?

Я пригубил бокал.

– Я думать, что сегодня, когда Крым ваш защищать наши военный базы и ваши турецкий братья, – полковник улыбнулся и указал рукой в сторону моря, – когда вы входите в Европа как демократик страна, вам нечего бояться Москва. И когда у вас будет много оружия и воинов эээ...

Аллаха, йес, вы пойти в поход на Москва и наказать ее за столетий колониальный жизнь!

Полковник еще долго разглагольствовал на темы истории и политики. Я изредка кивал и старательно ел да пил. Лишь когда речь зашла о планах Фархада на устройство его поместья, я решил вставить свои пять дирхамов.

– Мистер Фархад, ваш будущий дворец быть очень красив, – восторгался мистер Уандералес, – я видеть проект. Фантастик!

– Фархад-эфенди, – я старался говорить отчетливо, несмотря на то, что уже был немного пьян, – сегодня я видел, как ваши охранники избивают рабочих. Так нельзя, они их убьют или покалечат, и мне не успеть выполнить свою работу. Прикажите перестать их бить.

Фархад поставил бокал на стол и вытер губы салфеткой.

– Хорошо. Я прикажу. Но если ты не успеешь, – Фархад зло усмехнулся, – а успеть теперь ты должен не за месяц, а за три недели, я тебя сам забью, понял?

* * *

Прошло полторы недели, а отделочные работы не были сделаны и наполовину. Охранники скрипели зубами, но рабочих не трогали. По крайней мере, при мне. Поначалу работа на стройке шла своим чередом. Только вот почему-то спустя несколько дней строители вдруг все как один стали трудиться вначале вполсилы, а потом и того меньше.

На мои увещевания люди кивали, обещали закончить в срок. Однако стоило мне отойти, как они устраивали бесконечные перекуры, ругались и даже дрались между собой, одним словом, делали все, только чтобы не работать.

Селим зло усмехался, видя мои страдания, и изредка продолжал предлагать мне покурить траву.

– Брат, люди такие все, да. По-хорошему никто работать не хочет, даже ишак. Нужна палка. И сила. Чтоб уметь сильно бить, – Селим пустил подряд несколько колец дыма, – зря ты хозяина просил. Теперь мне придется сказать ему, что не успеваешь. Сам знаешь, Фархад тебе накажет.

Я поежился. Мы сидели втроем, вместе с Зульфией, в мастерской и пили вино. Зульфия оказалась толковой чертежницей и неплохо разбиралась в дизайне. Вот и сейчас она, наморщив лобик, что-то ваяла на компьютере.

Селим продолжил.

– В Туркестане у Фархада очень важные партнеры. С Чуйской долины. Упаси тебя Аллах что-то закосячить. Так что думай, брат, как ты теперь выкручиваться будешь.

Зульфия подняла взгляд.

– Эй, Селим, хватит уже. Человек людям жизнь спас может, а ты...

– А ты вообще молчи, женщина, – ощерился Селим, – твое дело танцевать и это, рисовать. Поняла?

– Поняла-поняла, – хмыкнула девушка, – только и ты пойми, что про твои делишки я очень хорошо знаю и, если что, ну, ты понял ведь, да?

Селим ударил кулаком по столу и вышел на балкон.

– Я поговорю с дядей Арсением сегодня вечером. Так что не беспокойся, – Зульфия протянул мне бокал, – лучше налей еще вина.

Мы допили с ней всю бутылку. Уже стало смеркаться. Оглядываюсь кругом, поискав взглядом нашего вечного спутника. Его нигде не было. Девушка усмехнулась и подошла ко мне.

– Ты что скучаешь по нему? Ха-ха. Смотрю без него как без рук, да?

Я покраснел и встал с кресла, слегка покачиваясь на нетвердых ногах.

– Плевать я хотел на него. И вообще, хватит о нем.

– Ого, какие мы смелые, – Зульфия обвила мою шею руками и прижалась, горячо задыхаясь, – иди ко мне...

* * *

Мы лежали, обнявшись на пыльном ковре, среди помятых чертежей, и курили траву, оставленную Селимом. Трава была так себе. Только голова разболелась. Хотя Зульфия, судя по тому, что ее распирал смех, все-таки «приплыла».

– Скажи, а что вы с Селимом не поделили? – спросил я, – и про какие-такие делишки его ты знаешь?

Зульфия прыснула со смеху.

– Мы с ним все-е-е-е прекрасно поделили. Мы так с ним все поделили, что когда он ко мне полез домогаться, то так получил ногой между ног, что неделю еле ходил. Ха-ха-ха.

Девушка встала и подошла, пошатываясь к окну. Вспотевшее голое тело озарилось отблесками прожекторов сторожевых вышек. Я смотрел на ее груди и пытался вспомнить, купола какого храма они напоминают.

Красивое женское тело всегда казалось мне одной из самых совершенных архитектурных форм природы. Все эти изгибы и ложбинки, выпуклости и углубления – что может быть более безупречным?

Девушка затряслась от смеха и стала показывать пальцем в окно.

– А вот кстати и он, твой Селим. Ха-ха. И не один, а с Фархадом и его охраной. Прямо сюда идут.

Я вскочил и бросился к окну. Дверь распахнулась от удара ноги и в комнату ворвались люди. Девушка все еще смеялась, когда Фархад выхватил автомат у одного из бандитов и начал стрелять в нее. Звуки выстрелов отдавались в моей голове как удары кувалдой по водосточной трубе. Зульфия сделала несколько шагов и рухнула на пол. Ее глаза удивленно смотрели на меня, а ноги еще долго дергались в судорогах.

Фархад навел на меня автомат и несколько раз нажал на курок. Раздались сухие щелчки. Фархад брезгливо швырнул ствол в сторону и подбежал ко мне.

– Ах ты, мразь! – Фархад сбил меня с ног и стал пинать, норовя попасть в лицо, – вы думали меня опозорить на все побережье, да? Да я тебя!

– Хозяин, давай убьем этого... только не прямо сейчас, а – Селим с размаху ударил меня ногой в челюсть, – пусть в подвале посидит, а утром мы придумаем ему такое, вай.

– Якшы, Селим. Бросьте в подвал. А завтра утром я сам скормлю его собакам. А эту залейте в бетон.

Охрана схватили меня под руки и поволокла куда-то вниз. Последнее, что я помнил, был кровавый след, тянущийся за мной по пути.

* * *

Когда я очнулся, уже светало. Подвал, куда меня бросили, был весь заполнен каким-то хламом. Я осторожно попробовал приподняться и застонал от боли. Медные подносы, пыльные ковры, старинные светильники – похоже, об этих дешевых подделках рассказывала Зульфия. Все они были похожи на предметы интерьера в эскизах внутренней отделки, сделанных Арсланом.

Эх, Арслан-Арслан, если бы ты не пожадничал и не стал скупать всякую дрянь, то я бы сидел сейчас на ялтинской набережной и пил турецкий кофе. И Зульфия бы осталась жива. Ну, зачем тебе, например, понадобился вот этот ржавый медный кумган? Неужели ты думал, что такую подделку под старину, пусть даже и очень качественную, никто не раскроет?

Беру кувшин в руки и вытираю пыль, пытаюсь прочесть надпись по-арабски. Я уже почти отчистил надпись от грязи, когда услышал сверху тихий голос.

– Эй, юноша, вы живы?

Я приподнялся и подполз ближе к узкому зарешеченному окну. Сквозь решетку виделось лицо Воронцова.

– Боже, что с вами сделали.

– Они убили ее, Арсений Павлович!

– Я знаю, юноша. Да успокоит Господь ее душу, а души ее убийц я отправляю в Джаннама сам, – глаза старика недобро блеснули в полутьме, – а вам бежать надо. Идти то сможете?

– Смогу.

– Тогда слушайте. У двери стоит охранник. Нужно, чтобы он зашел в подвал.

– Но я не знаю, как я...

– Молодой человек, вас завтра... Вы, что, правда, не сможете ударить охранника?

– Не знаю.

– Хорошо. Тогда через пару минут начните стучать в дверь, чтобы охранник отвлекся. Сможете?

– Попробую.

Старик исчез. Я вытер рукавом пот со лба и подошел к двери. О Аллах, помоги мне.

Посчитав про себя до трех, я изо всех сил стал бить ногой в дверь.

– Эй, ты, – раздался раздраженный голос охранника, – ну-ка быстро заткнулся. Или я тебе...

Раздался звук глухого удара и приглушенный стон. Через мгновение дверь распахнулась. На пороге стоял Воронцов с автоматом в руках.

– Скорей, юноша, – старик схватил меня и потащил за собой, – только пригнитесь.

Мы прокрались вдоль стены строящегося дворца в сторону ворот. Недалеко от них стояло несколько машин.

– Вы водить машину умеете? – старик положил автомат на колени.

– Умею. Я даже смогу завести вон те жигули без ключей.

– Ох, ты, – довольно хмыкнул старик, – откуда такие познания? Вы часом не угонщик?

– Не. Просто у отца были такие жигули, и когда мне нужно было покатасть подружек, я знал, что надо сделать, – я размял пальцы, похрустывая суставами, – ничего хитрого.

– Тогда вот что, сударь. Подберитесь к машине. А когда заведете, я отвлеку их внимание на себя.

– А как же вы? Давайте вместе сбежим!

Старик усмехнулся.

– Не выйдет у нас вместе. Дай Бог, у вас одного получится, если я смогу отвлечь их. На вышке, видите, вон – старик мотнул головой вверх – пулеметы. Так что план такой. Заводите машину, я отвлекаю, а вы ворота сноситесь и айда по трассе. Бежать-то есть куда?

Я пожал плечами. Фархад не успокоится, пока не найдет меня и не убьет. Это и морскому ежу понятно. В Ялте ли, в Кафе ли и даже в Ахтияре – везде меня будут ждать. Или его бойцы или прикормленные стражи шариатской гвардии.

– Юноша, в десяти километрах отсюда, по дороге в Акьмесджит, есть поворот в сторону горы Ак-кая. Свернете на него. Доедете до скал и увидите указатель на пещеру Алтын-Тешик. Сбросьте машину в пропасть, а сами идите пешком до верхней пещеры. Там вы найдете наших. Передайте им поклон от меня.

Старик перекрестился и передернул затвор автомата. У меня сжался комок в горле.

– Ну, с Богом, юноша.

* * *

– Так тебя, значит, Воронцов сюды направил? Этот, ну тот который дворец тут построил, в Алупке, да? – голос с ехидцей шел будто из самой электрической лампы, направленной мне в лицо.

– Послушайте, еще раз вам говорю, – я потянулся, забыв, что руки связаны, – старик сказал, что здесь я смогу укрыться. Он назвал свое имя Воронцов Арсений...

– Может, хватит уже Ивана разыгрывать, а? Или скажешь всю правду, и мы тебя быстро отправим на тот свет, хоть к Аллаху, хоть к шайтану. Или я сейчас позову Ахмеда, у которого твои дружки из шариатской гвардии забили камнями дочь. Так он тебя так оприходует, что ты будешь молить, чтобы мы тебя поскорей убили!

Я закрипел зубами, вспоминая, как я прорвался сквозь ворота, как старик расстрелял охранников на вышке, как я шел под палящим солнцем через горные перевалы.

Удар ноги выбил из-под меня стул, и я упал. Лежа на полу, я увидел, как в помещение кто-то вошел.

– Прекратить! – раздался высокий мужской голос, – Жабров, сколько раз уже было говорено, пытки это у них! А у нас или сразу признается или со скалы сбрасываем!

– Дык, ведь это, Искандер, – голос слегка изменился – ты, конечно, в авторитете и все такое. Мы тебя все очень уважаем. Только вот насчет того, как допрос вести, – это уж мы сами разберемся. Тем более, что Совет так и не принял решение о запрете пыток. А этот типаж очень подозрительный. Каким-то образом смог пройти сквозь патрули гвардейцев. Про Воронцова тут шнягу прогнал. Мол, он у какого-то барыги чалился с другими и помог ему с побегом. А мы же все видели, как его бомбой разорвало, когда на турецкую облаву на перевале нарвался.

– Подыми его, сейчас разберемся.

Меня рывком сдернули с пола и усадили на стул. Я, сощурившись, посмотрел на говорящего, чей голос показался до боли знакомым.

– Вот так встреча! Камиль! Развяжите его немедленно!

Я смотрел на говорящего, все еще не веря своим глазам. Искандер. Мой, бывший одногруппник. У которого я когда-то увел девушку. А потом дрался с ним из-за нее. И с которым в итоге подружился. Когда Амина бросила и меня. Эх, как же мы напились тогда с ним.

– Так вы, значит, знакомы, – Жабров снял кожаный передник и закурил.

– Знакомы, – бросил Искандер, помогая освободиться мне от веревок, – я за него ручаюсь.

– Это хорошо, аркадаш. Только это ведь не означает, что его не могли завербовать и забросить к нам. И ежели потом выяснится, что он совсем не тот, кого ты знал раньше, сам понимаешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.